

ПИРАТЫ КОШАЧЬЕГО МОРЯ

Книга 7

*Мульти
мятежника*

Аня Амасова
Пираты Кошачьего
моря. Мумия Мятежника

<https://litres.ru/73865036>

SelfPub; 2026

Аннотация

Знаешь ли ты, как появляются легенды? К чему приводит чихание на левом борту? Как справиться с чарами русалки? Зачем пираты носят в ухе серьгу?.. Вместе с капитаном Джонни Воробушком ты окупёшься в мир легенд и морских примет. На корабле под названием «Дженифыр» попадёшь на остров к коварной русалке, заблудишься в лабиринте и даже встретишься с мумией

Содержание

Книга 3	4
Глава первая. СТАРЫЕ ЗНАКОМЫЕ	4
Глава вторая. МОРСКИЕ ПРИМЕТЫ	10
Глава третья. ВЕСЕЛЫЕ СКЕЛЕТЫ	19
Конец ознакомительного фрагмента.	25

Аня Амасова Пираты Кошачьего моря. Мумия Мятежника

Книга 3

Глава первая. СТАРЫЕ ЗНАКОМЫЕ

Полуденный базар облепила лень. Торговцы стеклянными бусами, халатами, фруктами дремали и всхрапывали. Изредка открывали глаза: нет ли кого облапошить.

Тициан Великолепный, капитан судна «Коты и котлета», неторопливо прогуливался вдоль рядов. Его огненно-рыжий хвост гордо раскачивался из стороны в сторону. Позади, плаваясь под солнцем, волочился боцман.

— Позолоти ручку, дорогой, — затараторила под ухом Тициана цыганка, — всю правду расскажу. Что было, что будет, чем дело кончится.

Она сверкала белозубой улыбкой. На клюке у неё сидел попугай. Перья птицы, торчавшие в разные стороны: синие, красные, жёлтые и белые, — не уступали яркостью юбкам хозяйки.

— Отстань, старуха! — отмахнулся Тициан. — Нет у меня монет.

— Зачем обманывать гадалку? Всё знаю: и про сундук с деньгами, и про твой красивый хвост...

Тициан замер. Но на всякий случай оглянулся, не подслушал ли кто и на месте ли рыжий хвостик. Историю, как капитан Корноухий отрубил ему хвост, Тициан хранил в секрете.

— Но-но, потише! — зашипел Тициан, кидая гадалке монету. — На, держи. Отвечай, откуда знаешь про... про...

— Про хвост? — снова сверкнула улыбкой цыганка.

— Пр-р-рохвост! Пр-р-рохвост! — завелся попугай. — Капитан пр-р-рохвост!

Скучающие продавцы ковров и точильщики ножей начали просыпаться. Тициан недовольно буркнул:

— Выключи птицу! А не то я в неё пальну...

— Кука хор-р-роший, хор-р-роший, — обиженно сказал попугай, но на всякий случай умолк.

— Откуда ты столько знаешь? — наступал капитан «Котов и котлеты». — Кто рассказал?

До самого берега бесхвостый Тициан прятался в каюте. Как только судно вошло в первый порт, выгнал боцмана за шиньоном, а значит, без хвоста его никто и не видел. Разве что сам негодяй Корноухий, да два салажонка: девчонка Дженифыр и парнишка Джонни. А может, проболтался боцман?

— Я молчал, — угадал ход мыслей капитана серый кот.

— Никто не говорил, милый, — подтвердила гадалка. — Всё вижу. Прошное вижу. И будущее вижу.

— И что там у меня в будущем? — заинтересовался Тициан, протягивая лапу для гаданья.

— Удача. Большая удача тебя ждёт. Много сокровищ... Несметное богатство! Монеты неисчислимы, слитки золотые, кирпичи серебряные, ложки мельхиоровые...

— Где? — заглядывая в лапу хозяина, изумился боцман.

— Да вот же! — ткнула гадалка в ладонь Тициана. — Вот слитки, вот ложки.

— А где? Где они, эти сокровища?..

— Это я тебе, милый, по ладони не отвечу. Тут карты раскинуть надо. Позолоти ручку — чудесные карты разложу,

всё расскажу — где сокровища искать, куда путь держать, как кораблём управлять...

Вторая монета блеснула на солнце и исчезла в складках многочисленных юбок. Достав колоду, цыганка устроилась в тени шатра. Рыжая голова Тициана Великолепного и пятнистая — боцмана склонились над ковром гадалки.

— Путь тебе выпадет долгий да трудный, — начала она, раскладывая пасьянс. — К берегам острова Дохлого Мятежника. Там, в его гробнице, и лежит заветный клад.

Капитан заторопился:

— Ну, я пошёл?..

— Не спеши, дорогой Клад-то лежит, да карты говорят, должен ты выйти из порта в пятницу...

— В эту? — боцман схватился за сердце. — Тринадцатого?

— Конечно, — гадалка кивнула на бубнового короля. — Видишь, чёрным по белому написано: «Пятница, 13».

На карте ничего не было написано — король как король. Боцман отёр влажный лоб.

— Дурная примета! Не можем...

— Можем, — оборвал его Тициан. — Ради денег мы можем всё!

— Не сомневаюсь, — хитро прищурилась цыганка. Поверх короля легли дама, семёрка и туз. — Запомни: ступив на корабль, ты трижды чихнёшь на левом борту.

— Ты что! Погубить нас хочешь?! — взвился боцман.

— Так карты сказали, — гадалка пожала плечами. — Вот, видишь: пиковая дама?

— Это она говорит? Врёт. Все женщины врут.

Лапой заткнув помощнику рот, Тициан кивнул:

— Согласен. Чихнуть так чихнуть... Это всё? Если я сделаю это, несметное богатство моё? Ты точно знаешь?

— Да раздерут меня дохлые кошки! Да сожрёт меня объевшийся крокодил! — поклялась цыганка. — Такие сокровища найдёшь — джинны обзавидуются!

Боцман умоляюще взглянул на Тициана:

— Капитан, где это видано: чихать на левом борту?! А пятница тринадцатого — верная гибель! Матросы не одобряют...

— Кто?! — вздёрнул бровь Тициан Великолепный. — Эти оборванцы, голодранцы, кошачий сброд?! Да где б они были, если б не я? Варили мыло? Охраняли помойки? Запомни: я не верю в приметы! Всё это су-е-ве-ри-я! Любой, кто хоть день проучился, знает: сверхъестественного не бывает. Правда, красотка?

Он обернулся к гадалке, но той и след простыл. Исчезла вместе с попугаем, как будто растворилась.

Глава вторая. МОРСКИЕ ПРИМЕТЫ

Спокойное, словно сытый удав, море держало у причала небольшой кораблик. На мачтах бессильно повисли сотканые из золотых нитей паруса. Как бы они сверкали на ярком солнце, наполни их ветер! Но, увы, вот уже неделю стоял полный штиль.

Портовый нищий, выйди он в эдакую жару на берег, за-

метил бы у борта лиса-монаха, с головы до ног измазанного краской. Приглядевшись, он обратил бы внимание, что в ухе монаха сверкает пиратская серьга. С пояса свисает шнурок с узелками, а на шею болтается подкова.

Вооружённый ведром и кистью, монах терпеливо выводил название судна. Буквы «Д» «Ж» «Е» «Н» «И» «Ф» «Ы» уже подсыхали. Работа кипела над буквой «Р».

— Вот за что люблю капитана, — бормотал лисёнок, вытирая кистью вспотевший лоб, — так это за храбрость. Назвать корабль девчоночьим именем! Засмеют же!..

Его чуткое рыжее ухо уловило шорох и шелест крыльев.

— Почти готово, капитан, — отрапортовал монах, ожидая увидеть Джонни Воробушка с крикливым Кукабарой на

плече.

Но его взору предстала цыганка с попугаем.

— Чур меня, чур! Сгинь с моих глаз, лживая ведьма!

— На себя посмотри, — повела плечами цыганка. — Тоже мне, полосатый лис!

Лисёнок и правда был рыжим в белую полоску. Ведь кисточка с краской сегодня не раз стогняла с носа нахального краба, чесала за ухом и смахивала щекочущий пот. Как луковичную шелуху, гадалка принялась срывать с себя юбки и шали. До тех пор, пока не превратилась в Джонни Воробушка.

— Что это тебе в голову взбрело? — подозрительно поинтересовался лисёнок. — Ты зачем так вырядился?

— Да так. Встретил старого знакомого, Тициана Великолепного! Последний раз мы виделись, когда капитан Корнухий отрубил ему хвост. Где только новый раздобыл?

— Капитан прохвост, капитан прохвост, — завёлся Кукабара, выдёргивая из собственного хвоста яркие перья. — Глупый веер! Выгляжу нелепо, как попугай.

— Видел бы ты глаза Тициана, — смеясь, добавил Воробушек, — когда я нагадал ему про сокровища! Он даже выйдет в море в пятницу тринадцатого и трижды чихнёт на левом борту.

— Не может быть! — ахнул монах.

— Клянусь зубами крокодила!

Лисёнок задумчиво поболтал кисточкой в ведре с крас-

кой.

— Джонни, я понимаю, ты сердит на Тициана, — наконец произнес он, — но нельзя навлекать на других беду!

— Ну хватит! — рассердился Воробушек: чудесное настраение как волной смыло. — Никакой беды я не навлекал. Просто пошутил! Хотел узнать, исправился он или нет? Оказалось, нет. Сто раз — нет. Как был жадюгой, так и остался.

Джонни подкинул на ладони два золотых и попробовал их на зуб.

— Вот видишь: фальшивые! Что я ему, за два фальшивых золотых должен был настоящих сокровищ нагадать?

— А я не про гаданья. Я про легенды и приметы.

Джонни удивлённо поднял бровь:

— Ты ведь монах, мой верный лис! Легенды, приметы — всё это сказки для малышей.

Тот, кто видел Воробушка раньше, сейчас узнал бы его с трудом. Котёнок Джонни подрос, возмужал, а ещё появилось в нём что-то капитанское. Что-то, что заставляло прохожих оборачиваться, а матросов — почтительно замирать. И только монах-лисёнок почему-то смел ему перечить.

— Кое-какие, может, и сказки, а кое-какие очень даже всамделишные, — проворчал лис. — Может, оттого мне и не живётся в монастыре, что я в приметы верю? Может, я потому и скитаюсь по морю, что хочу легенду увидеть?

— Какую такую легенду? — К Джонни вновь вернулось весёлое расположение духа, он с интересом разглядывал ли-

сёнка. — Эй, лис, ты ничего не говорил мне об этом!

— Ну, — лисёнок смущённо топтался, жалея, что проболтался, — есть одна легенда... О прекрасной русалке, полюбившей монаха. Только не смейся! Говорят, он тоже в неё влюбился. Они долго встречались — ничего такого, просто беседовали. И монах поклялся найти для русалки душу. Но у него, похоже, не вышло — это же душа, не что-нибудь, где ты её достанешь?! Русалка покинула монаха, навсегда уплыв в синее море. Там, где она выходит на берег, лежат такие крохотные серо-зелёные камни — это её слезы. Вот. Где-то так...

— А монах? — спросил Воробушек.

— Что?

— С монахом что стало?

— Понятия не имею! — фыркнул лисёнок. — Какое мне дело до парня, который упустил свою любовь!.. Но ты ведь поверил? Да? Смотри-ка! Поверил! А говорил — легенд не бывает! Что это по-твоему? Сказка для малышей? Что, съел?! А ещё я знаю, как добывают ветер...

— Ах ветер! — прищурился Джонни. — А что же я тогда его неделю не вижу? Где он, твой ветер? Семь дней полнейшего штиля! Может, покажешь, как это работает? А мы с Кукабарой посмотрим.

Путаясь в рясе, взволнованный лисёнок неуклюже поднялся на борт и почесал длинный нос.

— Сейчас-сейчас... Для того, чтобы вызвать ветер надо... надо вспомнил! Надо облить паруса водой!

Зачерпнув воды прямо в ведро с краской, монах понёсся к мачтам, но, запутавшись в рясе, растянулся на палубе.

— Ты что, сбрендил? — вскричал мокрый Кукабара. — У меня теперь перья белые! Кто я по-твоему? Аист?

— Ой, извини, я случайно, — прокряхтел, поднимаясь, лис. — Не страшно — новые вырастут...

— Да? — подозрительно хохотнул Кукабара. — А до этого что? Лысым ходить?

Монах стукнул себя по лбу:

— Точно! Чтобы появился ветер, надо обриться наголо! Так, кому тут не нравятся его белые перья?..

Кукабара взлетел на плечо к Джонни Воробушку.

— Спаси меня, капитан! Не стану я ходить, как рождественский индюк!

— Действительно, лис, придумай что-нибудь другое, — примирительно заметил Воробушек. — Иногда я и сам не прочь ошипать Кукабару... Но только когда очень голоден.

Птица обиженно насупилась.

— Хорошо, — согласился монах. — Можно ещё ботинок к мачте привязать.

— Твой ботинок, — на всякий случай уточнил Джонни.

Вскоре на мачте красовалась дырявая обувь лиса.

Воробушек с сомнением потянул носом горячий воздух. Но не почувствовал и слабого дуновения.

— И чего? Ты серьёзно веришь, что ботинки изменят погоду?

— Точно! — монах стукнул себя по лбу ещё раз. — Ветру мало одних ботинок! Надо сделать что-то ещё... Ну конечно!

Осенённый идеей, лисёнок снова помчался к борту. Если бы портовый нищий увидел эту картину, он бы вылил себе на голову ведро холодной воды: чтобы не мерещилось от пекла. Перевесившись через борт, лис-монах с увлечением заправской ведьмы размахивал лохматой шваброй. Утомившись, он отбросил швабру в сторону.

— Ну, что я тебе говорил! — торжествовал Воробушек.

— Приметы — это просто выдумки.

— Что ж, — монах развёл лапами, — значит, остаётся последний способ...

— И какой?.. — хмыкнул Джонни. — Утопишь якорь? Выломаешь штурвал?

— Нет. Предание гласит: если ничего не помогает — надо выпороть юнгу.

Монах и Воробушек одновременно уставились на Кукабару.

— Ну уж дудки! — завопил тот и взвился в воздух.

Однако внезапный порыв ветра отбросил Кукабару назад, и он рухнул на палубу.

Золотые паруса будто ожили. Поднялись. Ослепительно вспыхнули. Натянулись, дрожа, готовые хоть сейчас, сию секунду унести судно в открытое море.

— Вот видишь, — ликовал лисёнок, обнимая потрясён-

ного Воробушка. — У меня получился ветер!

Глава третья. ВЕСЕЛЫЕ СКЕЛЕТЫ

Парусный бриг появился у южного берега острова Святой Гиены так внезапно, словно возник из морской пены. Двое: один — в украшенной перьями шляпе, другой — с зонтом из пальмовых листьев, — издали разглядывали судно.

— Странно, как этот бриг здесь оказался?.. — протянул тот, что в шляпе, соорудая из листа агавы что-то напоодо-

бие подозрной трубы. — Не иначе как галсами... За кливер и марсель штурману двенадцать плетей, а капитана — в матросы! Как звать посудину, Громила?

— Ле-ту-чий го-ла-дла-нец — прочёл по слогам обладатель панамы. — Нет, гол-лан-дец.

— Летучий? Что ж — хорошее имя. С этого острова только улететь и можно!

Ни один матрос не сошёл с корабля на Святую Гиену. Но и на борту никого не было видно. Никто не чинил паруса, висящие рваными тряпками. Не драил палубу. Не отдыхал на баке.

— Здесь что-то нечисто, мистел Флинт, — отступая назад, проворчал Громила. — Мне кажется, там пливидения...

Флинт Котес (а это был именно он, легендарный капитан Корноухий, когда-то в порыве гнева разделивший Тициана Великолепного с его хвостом) ухватил пирата за ворот тельняшки.

— Предпочитаешь остаться здесь?

— Да, капитан. Это плохой колабль. Надо ждать длугой.

— Другой? — изумился Корноухий. С тех пор, как команда «Ночного кошмара» подняла бунт и высадила его на остров, мимо не проходил ни один корабль. — Очнись, приятель! Ты где-нибудь видишь пристань?

Пират огляделся, словно только что очутился здесь.

— Не видишь, — ответил себе Флинт Котес. — А почему? ПОТОМУ ЧТО ЕЁ ЗДЕСЬ НЕТ! Корабли не приходят сюда

один за другим. И по местному расписанию следующий рейс — лет через триста.

— Ну и пусть, — упрямо твердил Громила. — Колабль с пливиденьями — жуть! Я лучше тут умлу. Тепло и сытно.

— Тоже мне, нашёл Лаберланд*! — фыркнул Корноухий. — Да ты посмотри на нас: едим бананы, кокосы и целыми днями жаримся на солнце! Ещё немного — я превращусь в пирог с фруктовой начинкой. «Пирожки! Пирожки! А вот кому пирожков с кошатиной?..» Всё! Надоело! Хватит! Я иду на корабль — с тобой или без тебя.

[*Лаберланд — рай для моряков, умерших на суше.]

Палуба «Летучего голландца» представляла собой жуткое зрелище. На капитанском мостике, на баке и юте — всюду лежали скелеты. Истрёпанные штормами лохмотья прикрывали иссохшие кости, пустые глазницы смотрели в небо.

Корноухий поднял череп и бережно стряхнул с него пыль:

— Бедный Йорик!..

— Он твой пиятель?

— Вообще-то, нет. Но в юности мне нравился театр.

— Стлашно следи мелтвяков... — Громила поёжился, как от холода, хотя погодка стояла жаркая.

— Страшно среди живых, Громила! Это живые предают тебя, выкидывают за борт и палят в уходящую лодку. А скелеты только костями гремят... — Флинт Котес повернул черепушку к Громиле. — Смотри: он нам улыбается!

— Нет. Он лычит.

— Не дрейфь! Скелеты просто радуются. Потому что это — весёлые скелеты. Правда, ребята? — Корноухий огляделся. — Не пойму только, который из вас капитан. Вы тут словно близнецы-братья. Ну да ладно. Видно, нет у вас капитана. А иначе зачем бы вам остров Святой Гиены? Поэтому командовать буду я. Нет возражений?

Приложив лапу к уху, Корноухий сделал вид, что прислушался.

— Возражений нет. Отлично. Ну что, здорово, моряки! Слушай мою команду: флагшток — чинить, паруса — латать, завтра отправляемся в путь.

Флинт Котес по-отечески обнял привязанного к мачте матроса (несмотря на собственную кончину, тот не расстался с любимой фляжкой) и хорошенько дёрнул его за локоть. Рука, скрипнув, поднялась, предлагая капитану разделить содержимое фляги.

— Мне всё равно, кто у меня в команде: коты, скелеты или даже черти, — занюхав напиток просоленным пером своей шляпы, известил Корноухий. — Так славно вновь стать ка-

питаном! Громила, марш за провиантом!

Поднявшись на палубу, Громила от удивления только глазами захлопал. Хитроумно сплетенные канаты и тросы абордажными кошками удерживали скелеты пиратов. Каждого — на своем месте. Вахтенного — на вахте, штурмана — у штурвала, первого помощника — в бочке на мачте. Всё вместе: и крепкие морские узлы, и хитроумно сплетенные канаты, — напоминало гигантскую паутину для отлова скелетов.

— Это ты холошо плидумал, — похвалил капитана Громила. — Пливязать, чтобы не блодили...

Корноухий закрепил концы канатов на юте, который стал похож на исполинскую лютню. Громила с изумлением взирал на капитана.

— Ты, верно, решил, что я спятил? — поинтересовался Корноухий.

— Да, капитан.

— Я так и подумал, — Флинт Котес смущённо закрутил ус. — Не стану утверждать обратное. Я и сам не могу поклясться, что это не так. Но, разрази меня гром, как я соскучился по команде!

— Я понял, — сказал Громила, осенённый страшной догадкой. — Ты хочешь их оживить. Велнуть с того света.

— Ну, вроде того... — Корноухий подмигнул позеленевшему от страха пирату. — Ты был когда-нибудь в кукольном театре?

— Н-е-е-ет...

— Сейчас побываешь.

Лапы Корноухого поднялись в воздух, на мгновение замерли и обрушились на канаты-струны.

Под соло скрипящей реи скелеты задержали кистями и коленками, отплясывая уморительный танец.

— Живите, ребята! — бушевал капитан. — Теперь вы — моя команда! Самых отважных и страшных пиратов в Кошачьем море! Громила, поднимай чёрный флаг!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.